

Яна Дубинянская

Казнь



Яна Дубинянская
Казнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158685

Содержание

Яна Дубинянская

4

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Яна Дубинянская

Казнь

Его даже не связали. Куда бы он теперь ушел? Наши всю ночь гнали фробистов, линия фронта отодвинулась километров на сорок к югу. Он знал, что ему нет смысла бежать. Коротконогая жаба в сером фробистском мундире. И странное выражение на в целом равнодушной физиономии: словно он вот-вот мерзко ухмыльнется. С таким подобием лица можно только ухмыляться. Предварительно в упор нажав на спуск.

Мы все старались не смотреть не него. Все двадцать шесть. И сам Тригемист. И Макс, и Алекс. И Вишенка – ее лицо задрожало, и она уткнулась всхлипывать в плечо Алекса. Алекс провел рукой по ее волосам. Сбитые в кровь костяшки пальцев – он содрал их о мундир Тригемиста, когда Тригемист удерживал его, бессвязно выкрикивавшего, что убьет эту сволочь. У Алекса здесь была мать.

Тела убрали раньше, как только наши заняли поселок. Говорят, какая-то женщина была жива, он убил ее уже на глазах у наших солдат. Его оставили, приказав убить всех.

Тригемист, шурясь, обвел нас взглядом. Глаза у него были тусклые, в красную сеточку. Не помню, когда Тригемист последний раз спал.

– Расходитесь по домам, – негромко попросил он. И до-

бавил совсем устало: – Это приказ.

Все зашевелились и приглушенно зашумели, по прежнему не сводя глаз с фробистского палача. Тригемист назначил ему охрану – каких-то незнакомых мне пожилых мужчин, один из них был без ноги. Все трое ушли нестройной группой, из которой никто бы не выделил на глаз подконвойного. Только тут все действительно начали расходиться.

– За покушение на жизнь пленного – смерть! – напомнил Тригемист, напрягая сорванный голос.

Макс нес чемодан Вишенки, Алекс поддерживал ее под руку. Я сама несла свой чемодан и старалась не отстать от них. Макс и Алекс шли в ногу, как солдаты, высокие, статные, слишком молодые для этой войны. Вишенка висела на руке Алекса, едва переставляя ноги, и, кажется, плакала. Меня они не замечали. Мы четверо были одноклассниками, но они трое родились в этом поселке. Я была чужая. Чужая не только им, но и всем двадцати пяти. У меня никто здесь не погиб.

Почти все дома стояли целые, только палисадники были вытоптаны и у калиток громоздились самые разные вещи – следы мародерства отступавших фробистов. Они не сожгли поселка, не вырезали сразу жителей. Для этого они оставили палача.

– Здесь, – всхлипнула Вишенка. Это был ее дом. Я когда-то давно гостила у нее. Здесь жили ее родители, бабушка и два маленьких брата.

– Дина останется с тобой, – сказал Алекс. – Я... может...

Вишенка помотала головой, а потом они поцеловались. Макс успел отвернуться, а я не успела, я только опустила глаза и твердила себе, что Алекс целует Вишенку потому, что она всех потеряла – так же, как и он, что только поэтому... Алекс отпустил ее, тронул за плечо Макса, и они ушли – высокие, в ногу...

– Замок выбили, – сказала Вишенка совсем неслышно.

Мы вошли. Комнатка у Вишенки была маленькая и выбеленная, по-сельски уютная. На квадратных окошках ровно висели занавески, белые и выглаженные, вышитые по кайме красным крестиком. На стене между окнами помещался портрет Вишенкиного прадедушки в мундире со звездой на груди, тщательно прописанный яркими аляповатыми красками. Золоченая рама была припорошена серой пылью. На пестрой ковровой дорожке посреди комнаты грудой лежали упругие пуховые подушки. Вишенка вздохнула и по-хозяйски принялась поднимать их с пола, взбивать, вытряхивая облачка пыли, и аккуратно складывать на низкую кровать. Подушек было много, Вишенка нагибалась и выпрямлялась, и снова, и снова. Вся кругленькая и тугая, с пухлыми губками и широко расставленными маленькими черными глазками. Все почему-то считали, что Вишенка очень красивая. И Алекс.

Вишенка подняла последнюю подушку и вдруг тихо и пронзительно, на одной ноте, застонала. Я бросилась к ней

и, прижимая ее голову к груди, искоса взглянула вниз. Там, на полу, лежала яркая игрушечная машинка.

Вишенка еще всхлипывала, когда я засыпала. Мне приснилась сестра. Она сейчас должна была быть на севере, в эвакуации. Сестра сказала, что они с мамой живы, и повторяла это до тех пор, пока я не перестала ей верить.

...На церкви не было позолоченного креста. Купола ободрали не успели, и они сверкали нестерпимо, до рези в глазах. Тригемист поднялся на верхнюю ступеньку. Пленный стоял чуть ниже, его конвоировали Макс и Алекс.

– В соответствии с Законом военного времени, – сказал Тригемист, – мы, собравшиеся здесь члены общины в количестве двадцати шести человек, являемся достаточным кворумом для принятия решения юридической силы. На обсуждение выносится судьба этого... – ровный голос Тригемиста неувовимо прервался, – человека, младшего офицера фробистских войск, который, выполняя приказ командования, уничтожил мирное население поселка. Я, глава общины, считаю, что этот человек достоин смерти. Кто поддерживает это предложение?

Макс вскинул руку автоматически, как приклад винтовки, но Алекс был быстрее, его сжатый кулак стремительно выстрелил вверх еще на последних словах Тригемиста. Вся площадь перед церковью ошетичилась поднятыми руками. Меня толкнули под локоть, и, обернувшись, я встретила глазами с Вишенкой, гневной, дрожащей, подавшейся вверх

вслед со сжатой, как у Алекса, в кулак пухлой белой ручкой.

Выражение лица пленного фробиста не изменилось. Только медленно двигались, обводя площадь, бесцветные глаза. Точно так же он высматривал тогда, кого еще осталось убить. Я подняла руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.